

ФЛОРЕНЦИЯ НА ЭЛЬБЕ¹

Название может удивить читателя — если он, этот читатель, имеет по географии хотя бы четвёрку (заслуженную). Троечники, те вообще ничему не удивляются: скажи им, что Нью-Йорк стоит на реке Лимпопо, — они и этому поверят.

Но человек, в географии искушённый, знает, что Флоренция — город итальянский. Может быть (есть ведь на свете эрудиты!), ему даже известно имя реки, протекающей через Флоренцию — Арно, с ударением на первой гласной. Что же касается Эльбы, то она, родившись в Чехословакии, где её называют Лабой, течёт через всю Германию и впадает в Северное море близ Гамбурга. Откуда на ней взяться Флоренции?

Всё верно. Здесь имеется в виду совсем другой город. «Флоренцией на Эльбе» принято называть Дрезден, расположенный на территории ГДР.

Когда немецкому писателю Гердеру, другу Гёте и современнику Великой французской революции, захотелось выразить своё восхищение молодой столицей Саксонского княжества, он написал: «Процветай, немецкая Флоренция...» Метафора оказалась крылатой, так с лёгкой руки Гердера Дрезден и обрёл второе имя.

...Когда я впервые, осенью сорок третьего, попал в Дрезден, шла война. Никто из нас и представить себе не мог, что спустя несколько лет на месте гитлеровского «третьего рейха» возникнет мирная и дружественная нам Германская Демократическая Республика, что мы и немцы станем ездить друг к другу в гости, что наши народы будут по праву называться братскими.

Не знал я, конечно, что после войны мне доведётся жить в Ленинграде, что Ленинград и Дрезден станут городами-побратимами. Дрезден был для меня вражеским городом — меня привезли туда в запёртом товарном вагоне, люки-окошки которого были заплетены колючей проволокой. Да и пробыл я там недолго — вскоре нашу группу «восточных рабочих» отправили дальше на запад, в Рурский бассейн.

¹ Печатается по тексту: Искорка. 1985. Февраль.

Но — бывает же так! — в этот вражеский город я, можно сказать, влюбился с первого взгляда. Совсем мальчишка, я тогда не разбирался в архитектурных стилях, а историю знал только из курса тогдашней средней школы; единственное, пожалуй, что мне было известно о Дрездене, это то, что там одно время правил некий Август, что прозвали этого Августа «Сильным» и был он (кажется) союзником Петра I в войне со шведами. Ну, и ещё я слышал, что в Дрездене есть знаменитая картинная галерея.

Был, помню, мрачный, тёмный ноябрьский день, моросил дождь, да ещё и флаги со свастикой висели чуть ли не на каждом доме — наверное, был какой-то «их» праздник.

И всё равно город был прекрасен. И такое впечатление он произвёл не только на меня, хотя нам тогда было не до того, чтобы беспристрастно оценивать красоту немецких городов.

Таким он мне и запомнился. Прошло полтора года, война уже приближалась к концу, Германия лежала в развалинах, разрушаемая с воздуха англо-американской авиацией. Ранней весной сорок пятого года, за несколько дней до освобождения, я услышал по радио о гибели Дрездена в результате тяжёлого воздушного налёта. Мы к тому времени уже навидались всякого, привыкли и к бомбёжкам и к пожарам; но эта новость потрясла меня даже в то время, хотя из официального сообщения нельзя было представить себе подлинных размеров катастрофы, постигшей столицу Саксонии.

Что там произошло в ночь с 13-го на 14 февраля 1945 года, мне довелось узнать несколько позднее, уже в одном из лагерей для «перемещённых лиц» в Голландии. «Перемещёнными» стали тогда называть иностранцев, увезённых в своё время в Германию из различных стран Европы и освобождённых под конец войны войсками союзников. Среди них оказались и несколько человек, переживших бомбёжку Дрездена...

Впрочем, прежде чем рассказать о трагедии этого города, стоит, наверное, ещё раз вернуться к его истории.

Впервые он упоминается в документах XIII века — как рыбацкое поселение «Драздяны», основанное на левом берегу Эльбы лужицкими славянами — лужичанами, или

сорбами, как их до сих пор называют в этой части ГДР. На другом, правом, берегу, в деревеньке Низан обосновались немцы. Жители обоих поселений ладили между собой — был построен мост, на прибрежном холме Ташенберг поднялся замок местного маркграфа, за проезд по мосту стали взимать пошлину... Города в то время возникали и росли на скрещении торговых путей, один из них, как правило, был водным. Париж и Москва, Киев и Магдебург, Лондон и Новгород — все они не случайно стоят на судоходных реках. Не были исключением и Дрезданы.

По-настоящему история «немецкой Флоренции» начинается вместе с XVIII веком. Ленинград и Дрезден не только побратимы; их можно считать ровесниками.

В 1694 году, вскоре после воцарения в России Петра Первого, курфюрстом Саксонии стал Фридрих Август. Он вошёл в историю под прозвищем «Сильный». Но если у Петра незаурядность природы проявлялась в заботах о благе государства Российского, как он это благо понимал, то вся энергия Августа Саксонского расходовалась на прославление собственного имени. Честолюбие его было непомерным. Прослышав о строительстве русским императором новой столицы, Август решил перестроить свою.

Дрезден начал украшаться великолепными дворцами, набережными, в 1711 году зодчий Пёппельман заложил неподалёку от королевского замка грандиозный дворцовый комплекс «Цвингер». Сын и наследник «Сильного» Август II продолжал дело отца — его посланцы скупали по всей Италии лучшие произведения живописи и скульптуры. В Пьяченце купили знаменитую «Мадонну с Младенцем» кисти Рафаэля, называемую Сикстинской по имени монастыря, в котором она находилась; в Модене было приобретено сразу целое собрание картин — оно-то и стало основным фондом известной всему миру Дрезденской картинной галереи, едва не погибшей в 1945 году и спасённой нашими солдатами и нашими реставраторами.

...«Городом искусств» Дрезден продолжал считаться и при гитлеровском режиме, хотя нацисты вынудили эмигрировать, замолчать или уйти в подполье виднейших деятелей культуры. Когда началась война, дрезденцы были уверены,

что их городу ничто не грозит, — настолько дикой казалась всем мысль, что кому-то придёт в голову бомбить дворцы, храмы и музеи. И действительно, Дрезден не трогали. Начиная с середины 1942 года, не проходило месяца, чтобы авиация союзников не ровняла с землёй очередной немецкий город; Кёльн, Штутгарт, Дюссельдорф, Гамбург — крупнейшие промышленные центры Германии — один за другим рушились под ударами с воздуха.

А Дрезден не трогали.

К концу 1944 года он оставался единственным из больших немецких городов, где не упало ни одной бомбы. Слава «города-музея», казалось, защищала его лучше зенитных батарей. В Дрезден начали стекаться беженцы со всей Германии — люди верили, что здесь они смогут благополучно дождаться мира. Шестисоттысячное население города увеличилось за их счёт почти вдвое.

И тут война, так долго щадившая Дрезден, взяла реванш. В ночь с 13-го на 14 февраля 1945 года, когда до капитуляции гитлеровцев оставалось меньше трёх месяцев, армады английских тяжёлых бомбардировщиков сбросили на центр города 3 000 тонн фугасных и зажигательных бомб, превратив его в море огня.

Другие немецкие города уничтожались постепенно, Гамбург и Берлин бомбили неделями, месяцами. А Дрезден погиб сразу, в одну ночь. Это была самая страшная по количеству жертв и разрушений бомбёжка на европейском театре Второй мировой войны, — лишь полугодом позже её превзошли атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Дрезден горел неделю — пока было чему гореть. Пожар охватил пятнадцать квадратных километров. Чтобы наглядно представить себе, что это такое, возьмите план Ленинграда и нарисуйте на нём овал длиной от Адмиралтейства до площади Александра Невского, а шириной от площади Мира до Марсова поля. Обведённый участок по размерам соответствует тому, что в Дрездене стало «зоной сплошного разрушения», — то есть местом, где не осталось ничего, кроме оплавленного щебня и десятков тысяч погребённых под ним людей...

Воздушная война, которую вели англо-американские союзники, не могла подорвать военного потенциала гитлеровской Германии, а людям принесла невообразимые страдания. Под фугасными бомбами и испепеляющим дождём фосфора гибли мирные жители — дети, женщины, старики, виновные лишь в том, что имели несчастье принадлежать к народу, слепо вручившему своим правителям безграничную и бесконтрольную власть.

И опять невольно думаешь о странной общности судеб наших городов-побратимов. Не будем сравнивать масштабы страданий, выпавших на долю ленинградцев и дрезденцев; есть вещи несоизмеримые, к ним даже кощунственно пытаться приложить ту или иную мерку трезвого подсчёта. Важно другое: не случайно имена этих городов стали символами. Ленинград — символ человеческой стойкости, несломимой никакими ужасами войны. Дрезден — символ бессмысленности этих ужасов, наглядное проявление слепого зверства сил, которые война выпускает на свободу...

Жестокость войны разнообразна и многолика. Часто она бывает неизбежна, иной раз необходима — любой командир, отдавая боевой приказ, тем самым может обречь на смерть кого-то из своих солдат. Однако есть виды жестокости, которых не оправдать никакими самыми справедливыми целями. Имя «Дрезден» — как и имена «Хиросима», «Освенцим», «Дахау», «Ленинград» и ещё много других — навеки врезано болью в нашу память. Именно в нашу общую память, это ведь не только боль русских, немцев, поляков, евреев, японцев... Это — боль всего человечества.

И только общая боль человечества, общая его тревога за судьбу планеты может стать той силой, что обеспечит мир и жизнь нашим потомкам.

